

УДК 94(728)

*Пакин А.В.
Pakin A.V.*

Лидерство и власть у науа на южных границах Месоамерики в период испанской конквисты XVI в. (Гватемала, Сальвадор, Никарагуа)

**Leadership and power in the society of nahuas of the southern frontiers
of Mesoamerica during the Spanish conquest XVI century
(Guatemala, Salvador, Nicaragua)**

Статья посвящена вопросам организации власти и лидерства среди науаязычных народов, населявших южные окраины Месоамерики в период испанского завоевания. В статье кратко рассматриваются вопросы организации власти и управления среди трёх основных групп науаязычного населения, обитавших вдоль тихоокеанского побережья Гватемалы, Сальвадора и Никарагуа – йаки, пипилей, никарао. Затрагиваются вопросы вариативности местной модели лидерства и взаимоотношениям религиозного и военного лидерства в сравнении с другими народами науа и Месоамерики.

Ключевые слова: *власть, лидерство, Месоамерика, Гватемала, Сальвадор, Никарагуа, испанское завоевание*

The article main topic is the models of power and leadership in the society of nahuas of the southern frontiers of Mesoamerica on the eve and during the Spanish conquest. The present study deals with the questions of organization of power among the three main groups of local nahuas of the pacific Coast of Guatemala, Salvador, and Honduras – “yaqui”, pipil, nicarao, as diversity of local models of leadership and relationship of its military and religious components in comparison with other nauhas and other peoples of Mesoamerica.

Key words: *the power, leadership, Mesoamerica, Guatemala, Salvador, Nicaragua, the Spanish conquest*

История и этнография тихоокеанского побережья Месоамерики известна хуже, чем других её областей. Некоторым исключением являются науаязычные народы, обитавшие в прибрежных областях Гватемалы, Сальвадора и Никарагуа, и некоторых внутренних областях на момент испанского завоевания, известные под названиями пипиль и никарао. Как родственники ацтеков и других науа они обладали схожей религией и культурой, в том числе политической.

Науа на южной границе Месоамерики и сопредельная область к XVI в.

Области тихоокеанского побережья Гватемалы и Центральной Америки – Гондураса, Сальвадора, Никарагуа и Коста-Рики в период

испанского завоевания отличались исключительной этнической пестротой. Ещё королевский ойдор Гарсия Паласио, один из наиболее авторитетных источников, в 1576 г. писал: «Разделена [Аудиенсия Гватемала] на тринадцать главных провинций, без других, более мелких ... и в каждой из них есть и говорят местные на разных языках, что как кажется было наиболее искусным делом дьявола, которое осуществилось в этих королевствах, чтобы насадить разногласие столькими и настолько разными языками...» [8, p. 70]. Территория, которую мы рассматриваем, от рек Мотагуа и тихоокеанского побережья Гватемалы до Никарагуа и северо-западных районов Коста-Рики, была населена носителями совершенно различных языковых групп – майя, чибча, ото-манге, юто-ацтекской. Наиболее подробная информация имеется по местным науаязычным группам – (пипиль, никарао и др.), но и их количество подсчитать затруднительно. Этнографические описания не всегда проясняют дело – эта область издревле была зоной влияния со стороны культур Месоамерики – майя, а позже – науа, и мы вполне можем ожидать, что в поздние периоды, в связи с миграцией в регион науаязычных групп, могла иметь место науализация культуры элиты, как это случилось, например, с майя киче и какчикелями в Горной Гватемале. Кроме того, у некоторых из местных насельников язык науа («*lengua mexicana*») был в свободном хождении, хотя их языком он и не являлся (например, среди пополука) [8, p. 70]. Разные авторы, называющие разное количество групп, говоривших на науа, отмечают, что некоторые из них говорили на «испорченном пипиль» и «испорченном мексиканском», рассуждая о различных степенях его «испорченности». Некоторые из таких групп, например, никойя, заселявшие одноимённый полуостров в Коста-Рике, относятся традицией к родственникам науаязычных никарао, с чем соглашались не все современные специалисты [8, p. 24]. Пипиль находились в соприкосновении с носителями чибчанских языков шинка и ленка, и в некоторых местах (например, в Никарагуа) население науаязычных разных групп располагалось островками. Тем не менее, наличие на этих землях науа – носителей выделенного в 1948 г. П. Кирхгофом месоамериканского культурного комплекса – позволяет включить их на состояние XVI в. в состав границ Месоамерики. На момент конкисты науаязычные пипиль населяли побережье Гватемалы, где они известны в кичеанских документах под названием йаки, и некоторые из них входили в политику майя киче с центром в Утатлане [3, с. 86-87, 96-98, 129]. Центром расселения науа здесь был Искинтепек (совр. Эскинтла). Далее их территория пролегла по центральному и восточному Сальвадору, где они основали политии с центрами в Искуинтлане, Миктлане, в окрестностях вулкана Исалько [8, p. 25]. Восточная граница расселения науа в Сальвадоре, видимо, проходила по местностям, которые они сами называли «ноновалько», т.е. «испорченного языка», т.н. «поля Хибога», располагавшихся в 14 лигах от реки Лемпа [8, p. 81]. Далее на юг ближайшей областью расселения науа был участок тихоокеанского побережья между озером Никарагуа и океаном, где обитали науа-никарао. Сообщается также об отдельных общинах науа на карибском побережье и в глубинных районах, происхождение которых неясно.

Проблема происхождения науа в регионе

Традиционно миграция пипиль в занимаемые ими области представлялась на основе их этноисторических преданий, фиксированных испанскими хронистами. Это весьма неоднозначный материал, так как они по сути являются псевдогенеалогическими мифами о происхождении, записанными после конкисты. Причём первая часть применённой нами характеристики этих мифов наличествует очень явно. Так, испан-

цам, в частности Моголинии и Торкемаде был известен официальный ацтекский миф, производивший от одного корня не только ацтеков, но и заведомо неродственных им отоми, миштеков, тарасков и других их соседей. О самих же науа, заселивших пространство от побережья Гватемалы до Никарагуа и Коста-Рики, там нет ни слова [11, р. 9-10]. Мифы самих насельников этих частей известны по материалам никарао и никойя. Монах Торрибио де Моголиния, собиравший свой материал в Мексике, бегло упоминает о некоей засухе, когда многие покинули долину Мехико, и считает, что это были никарао, отправившиеся на юг по морю, с помощью большого количества каное [11, р. 9-10]. Хуан де Торкемада, знакомый с некоторыми другими источниками преданий самих никарао, приводит легендарную версию, очень схожую с мифом о миграции самих ацтеков. Сперва он приписывает им различное происхождение. Согласно ему, никойя (которые по нашим данным, на самом деле – не науа) произошли от обитателей Чолулы, т.е. непосредственно с центрально-мексиканского нагорья. А никарао некогда обитали в Безлюдье («*Despoblado*») Шоконочко (Соконуско) и на перешейке Теуантепек, где их завоевали злобные соседи-ольмеки (т.н. «исторические», с побережья Мексиканского залива). Ольмеки налагали на них непосильную ежедневную дань «курами» (индюками), женщинами и рабами (для жертвоприношений). Здесь появляется мотив миграции в обещанную богами землю, известный в частности и в этногенетическом мифе ацтеков (которых вела воля бога солнца Уицилопочтли). Собравшись на совет, мудрецы («*alfaqui*» у Торкемады, т.е. «факирь», жрецы, видимо) решили уйти в далёкую землю. По дороге эти жрецы умирали, и когда народы проходили Никарагуа, никто уже не был уверен, та ли это земля, которую предсказали, или нет. Здесь Торкемада приводит ещё один фольклорный момент, объясняющий разделение никарао и никойя, который гораздо более неоднозначен. Те, кто решил остаться в Никарагуа, пошли на предательство. Выпросив носильщиков, они выждали, пока часть народа ушла вперёд, и, перебив их, напала на местных, оставшихся в результате на месте. Ушедшие вперёд заселили полуостров Никойя [15, т. I, р. 331-333]. Но этот же самый эпизод Торкемада приводит и совсем по другому поводу – в рассказе, о якобы имевшем месте завоевании этих мест последним ацтекским тлатоани Монтесумой II Шокойоцином [15, т. I, р. 218].¹ И, наконец, предание носит свидетельства влияния испанской конкисты – «факирь» предсказывают появление в будущем «бородатых людей». Общей чертой с официальным мифом ацтеков является наличие некоего приказа божества следовать к указанному месту и запрет занимать другую территорию, которая покажется им подходящей. Причина разделения народов та же, что и в мифах ацтеков – желание остаться в плодородных землях, встретившихся по дороге к указанному божеством месту (в случае с ацтеками – болотистому острову на озере Тёскоко, проигрывавшему в привлекательности многим встречавшимся по пути местностям) [1, с. 12-26].

Как любой псевдогенеалогический миф, он довольно путанный в определении родства народов друг другу. По топонимам видно, что никойя – не науа, но, тем не менее, согласно преданию, их относят к родственникам никарао. Впрочем, топонимика не обязательно показательна, так как многие места с этой области имели своё название у народов

¹ Некоторые историки принимают это заявление на веру без должной критики, например В. Баглай [1, с. 128]. Между тем, источники Торкемады и Васкеса де Эспиносы, говорящие об этом событии, неизвестны, и невозможно судить об их достоверности. Сходство с известным мифом может указывать на неверную интерпретацию, либо (а может и «также») желание как-то объяснить присутствие науа так далеко от Мексики. Этот факт, надо отметить, действительно вызвал удивление у испанцев [11, р. 9-10].

разных языковых семей. Вдобавок, хронисты выводят происхождение этнонимов путём «народной», ложной, этимологии, по созвучию. Например, производя «чоротегга» (народ языковой семьи ото-манге) от науатльского «чолультека» (т.е. выходцы или жители Чолулы, города на Центральном нагорье, принадлежащие к юто-ацтекской языковой семье) [15, t. I, p. 331-333]. Непосредственные участники конкисты, расспрашивавшие местную знать, также приводили версию о бегстве от «плохих хозяев», обитавших на прародине. Другие источники, например, официальный хронист А. Эррера, также приводят версию о миграции по морю, схожую с Мотолинией (не исключено, что именно его) [10, p. 261]. Науа Искинтепека в Гватемале, по словам хрониста Фуэнтеса-и-Гусмана, и все происходили от воинов ацтекского тлатоани Ауисотля (1485 – 1502), уславшего их завоевывать далёкие области. Здесь они сами, оставшись наедине с киче и какчикелями, подвергались с их стороны военному давлению [7, t. II, p. 90].

Научные представления о миграции науа строились в основном на попытках совместить данные Торкемады о хронологии миграции никарао («семь или восемь поколений» по 104-107 лет) [15, t. I, p. 331], с тем, что было известно о науа по материалам индейских хронистов с Центрального нагорья, и представлениями о роли науа с исторических судьбах региона (в частности, юкатанских майя). Представлялось, что сначала в рассматриваемый регион проникали майя-чорти, которых считали наиболее вероятными строителями майяского городища Копан. Первоначально, как представлялось, территорию занимали представители языковой семьи шинка-ленка. Затем, около 700 г. туда начинается миграция науа, прошедших на побережье вниз по течению Усумасинты и далее вдоль берега до их мест обитания на момент конкисты [14, p. 446-47]. Отождествляемых с носителями «тонкой оранжевой» и «Тохиль свинцовой» керамики, появившихся в конце классического периода в окраинах области расселения майя, именно этим науа приписывали активную роль в падении классических городов. Также им приписывается и активная роль в науализации искусства, религии и идеологии (на примере майя-киче и городов юкатанских майя – Чичен-Ицы, Майяпана) майяской знати. Также науа-мигрантам приписывали создание культуры поздней Коцумальуапы, с уникальным стилем которой связывают многие находки в разных частях региона [5, p. 161-164]. Во всяком случае, именно Куцамальуапе приписываются все науатльские черты, проникшие в позднюю и терминальную классику в регион [4, p. 11].

Последние данные показывают более сложную модель взаимодействия с местным населением. Во-первых, «тонкая оранжевая» керамика появляется несколько позже падения классических городов майя. Во-вторых, и взаимодействие самих майя с местным населением выглядят несколько иначе. Предполагалось, что носители керамики фазы «пайу» являются майя-чорти из Копана, которые после запустения Сальвадора в III в. н. э., после перерыва фазы «илопанго», заселили опустевшие территории. В настоящее время по поводу этнической принадлежности носителей керамики пайу к майя высказываются различные возражения, сводящиеся к модели имитации местной элитой чёрт майяского культурного комплекса. Также не связано с их появлением и падение классических городов, которые оставляются до того, как приходят носители «тонкой оранжевой» керамики. Недоказуема и этническая принадлежность обитателей культуры Коцумальуапа, обитатели которой издревле испытывали сильное влияние со стороны других народов Месоамерики, к самим науа. Её поздние фазы (600–900 гг.), рассматривались как свидетельство миграции науа в регион. Несмотря на наличие в искусстве поздней Коцумальуапы божеств, существовавших и в пантеоне

науа, и «мексиканского» календаря, проникновение стиля и элементов иконографии ещё не является в Месоамерике весомым аргументом для определения этничности. Элементы культуры (календарь, иконография божеств), связываемые обычно с науа, проникали в регион как минимум с V в. н. э., и связаны ещё с распространением теотиуаканских стилей. В то время как сама этническая принадлежность обитателей Теотиуакана, определившего последующее культурное развитие региона, в том числе науа, окончательно не установлена. Явные следы ранних пипилей в Сальвадоре, в поселениях Тасумаль и Лома Чина, по мнению археолога П. Амаролли, уводят не далее 900–1000 г. н.э., что противоречит наивным хронологическим выкладкам исторической традиции и этноисториков. Элементы иконографии могут проникать разными путями, вне связи с этнической принадлежностью. В то же время факт науализации культуры соседних с науа побережья майя киче и какчикель определяется более чётко по данным этнологии, таким как наличие этногенетических преданий (заимствованных от науа) как способа легитимации власти и т.п. В настоящее время авторитет популярных очень долгое время моделей массовых миграций, как универсальное объяснение изменений в культуре месоамериканских народов, подорван. Между тем, науа пришли именно в результате массовой миграции, и этот процесс, что случается довольно редко, хорошо прослежен на археологическом материале. В Лома-Чина и Тасумаль в X в. прослеживается резкая смена нескольких местных культурных комплексов одним пришлым. Настолько резкая, по словам П. Амаролли, что ни одна модель проникновения культурных черт не может быть предложена [4, р. 33]. Однако теория о единой миграции науа через Усумасинту и вдоль всего побережья, до Никарагуа, подмывается не только наличием различных традиций о происхождении. Но в первую очередь тем, что распространение керамики «Тохиль свинцовая» и «тонкая оранжевая», главных свидетельств, как считалось, процесса миграции, имеет более главную модель происхождения и распространения, которая не вполне вяжется с этой простой схемой.

Власть и лидерство у науа южной Месоамерики

Для «исторического периода», т.е. на момент конкисты, мы располагаем рядом свидетельств относительно социального устройства пипилей и их культуры, оставленных конкистадорами, хронистами (Овьедо, Фуэнтес-и-Гусман, Торкемада) и колониальными чиновниками (Гарсиа Паласио), а также несколькими документами, записанными латиницей на науа [6; 10]. О местных иероглифических рукописях пипилей сообщают многие авторы, и некоторые из них даже находились в собственности хрониста Фуэнтеса-и-Гусмана в конце XVII – нач. XVIII в., но оригиналы до нас не дошли. Выполнены они были, надо полагать, в традициях т.н. центрально-мексиканской «пиктографии», представлявшей на самом деле специфическую разновидность слогового письма [6, р. 36; 12, Т. IV, р. 36].

В Сальвадоре, по-видимому, не сложилась ни одна полития, объединившая несколько поселений. По словам Гарсии Паласио, «...в большинстве мест они признавали «местных сеньоров», они были маломощными, ценился и управлял среди них тот, кто больше мог и имел больше вооружённых людей» [8, р. 72]. В то же никарао Овьедо описывает как политию с подчинёнными селениями и «провинциями» с жёсткой иерархией управлявшихся посредством выходцев из прослойки воинов, подчинённой «касику» [12, Т. IV, р. 37-39].

У пипиль Сальвадора лидерство было жёстко разделено в военной и религиозной сфере между верховным жрецом и жреческой иерархией,

с одной стороны, и правителем с «военной знатью», с другой. Для сравнения, у более успешных ацтекских родственников, это лидерство могло совмещаться. Мотекусома Шокойоцин был, к примеру, не только тлатоани, но и жрецом, хотя и не верховным.

«Касик» или местный сеньор» в испанской терминологии, именовался *tlatoque*. Как и обозначение ацтекского верховного правителя, *tlatoani*, это слово происходит от корня, означающего «говорить».

Его положение было наследственным. Причём правила этого наследования выглядят необычно для науа. Гарсиа Паласио говорит, что в провинциях, посещённых им за время инспекции, принято было наследовать имущество (и положение) покойного его братьями, принадлежащим к тому же поколению и бывших как бы его продолжением [8, p. 127]. Этот порядок явственно виден у ацтеков в наследовании власти тлатоани Теночтитлана [1, с. 40]. Но и Овьедо, описывая никарао, и Фунтес и Гусман также говорят о наследовании по прямой линии. Однако Паласио заявляет и о весьма необычном наследовании власти и обычае выбирать себе жён. Во-первых, говоря о смерти касика, он говорит, что после четырёхдневного траура ему наследовали его сын или дочь (!), что не очень вяжется с военным лидерством, от которого зависело в условиях враждебного иноэтничного окружения само выживание общества [8, p. 87]. Жениться же правители пипилей были обязаны на тех девушках, которых им предложит знать, *indios principales*, и именно их дети наследовали власть [8, p. 132]. Речь идёт именно о прямом наследовании, а не в рамках поколения, как следовало бы ожидать от науа. Все прочие «жёнью», которых у пипильских вождей, по традиции месоамериканской знати, было более чем одна, имели, вероятно, статус рабынь или наложниц. Так объясняли «многожёнство» своей знати, по крайней мере, науа-никарао [10, p. 265]. Вероятно, что и пипили здесь не отставали от сородичей. Во всяком случае, Паласио говорит, что с этими жёнами пипили легко расходились. Простые люди выбирали себе в жёны тех, кого укажет тлатоке, и от обычая брать жён по указке отцов и более статусных представителей общества их долгое время пыталась впоследствии отвадить испанская администрация [8, p. 132]. Ситуация с неравным положением общинников, которые редко имели больше одной жены, по той причине, что не могли прокормить больше, и знати, практиковавшей многожёнство и резко выделявшейся на фоне остальных, вполне обычна для Месоамерики. те же данные приводит и Овьедо, говоря в о Никарагуа в целом [12, Т. IV, p. 37].

Сведения Паласио, скорее всего относятся, к пипиль зоны Исалько. Для Никарагуа Овьедо сообщает совсем другие данные, описывающие два типа управления – «многими людьми» там правили «избранные старцы», выбиравшие «генерал-капитана», т.е. военачальника для ведения войн. «Сеньора» же они не имели и не признавали таковых [12, Т. IV, p. 36-39]. Насколько «многими» были эти общины и относились ли они именно к науаязычному населению Никарагуа, понять из описания невозможно. Но разнообразие в организации управления общинами встречалось и в Новой Испании и среди майя, поэтому и такой вариант не удивителен. Для сравнения можно привести такой известный «этнографический полигон» изучения современных майя, как Синакantan в горном Чиапасе, где не только после, но и до конкисты власть находилась в руках выборных представителей, и, по сведениям монахов-доминиканцев, «управляли жрецы» [9]. В то время как в соседнем, тоже горном регионе, Гватемале, лидерство у майя киче и какчикель было жёстко наследственным и освящалось преданиями об общих предках народа [3]. И даже на равнинном Юкатане, где нет такого языкового, этнического разнообразия организация управления могла варьироваться

от жёсткой наследственности одним линиджем положения правителя в нескольких общинах, входящих одну политию-кучкабаль (напр., общины в кучкабале Мани), до регулярной смены выборных представителей разных групп или ротации власти между несколькими из них (Тицаль, Кикиль-Йашкаба) [13, Т. II, р. 267]. И очень часто попытки испанцев навязать в обязательном порядке наследственную или выборную власть касиков проваливались и вызывали, как в Синакнатане, сопротивление со стороны индейцев [9]. Здесь важен один существенный момент, объединяющий эти случаи. Как правило, известные прецеденты с лидерством «отклоняющегося» типа относятся к независимым общинам (Синакантан), или подчинённым центру крупной политики (Йашкаба-Кикиль). Так на Юкатане, в подчинённой общине мог править член линиджа, контролировавшего верховную власть в политике – батаб. А мог и выборный хольпоп, присылаемый общиной к правителю, халач-винику, на утверждение. И мы видим тому подтверждение из рассматриваемого в работе региона. После слов об управлении «выборными старцами», Овьедо заявляет, что были и те, где признавали «сеньоров», и у никарао, одних из наиболее опасных противников испанцев, правил именно «сеньор». И этот «сеньор» полагался на прослойку воинов, составлявших его гвардию, из числа которых он назначал правителей поселений и провинций. Как отмечал Овьедо, непосредственный участник завоевания, это были очень грубые, жестокие и безжалостные воины [12, Т. IV, р. 36-37]. Их Овьедо обозначает сильно устаревшим словом «galpónes», означающим нечто вроде навеса от дождя (также применявшимся к бараку для рабов), видимо намекая на распространённую в Месоамерике архитектуру публичного здания – навес на столбах, иногда имеющий от одной до трёх стен. Так выглядели помещения для приёма путников, времяпрепровождения, собраний. В такого же типа помещениях проводили своё время также подростки и молодёжь, такими же должны были быть помещения для воинов. С одной стороны, это связывает «надежду и оплот» никарао и их правителя со специфическим налогом «мужского дома», который в Месоамерике не имел большинства функций и значения, свойственных такому заведению в Океании. Лидеры подчинённых общинах никарао, таким образом, были жёстко подконтрольны касику, и не происходили из них.

Гватемальские науа имели схожую модель, где лидерство было узурпировано, по словам Фуэнтеса и Гусмана, военными, «капитанами», с момента их обоснования в данной местности. Причём, по его словам, управлялись они так, как приказал Ауисотль всем своим солдатам, осевшим в чужой стране, с военной аристократией во главе общества. Изначально ими правил некий Гуакчимичин, приказывавший приносить в жертвы не только врагов, но простых жителей Искинтепека, и даже представителей знати. Такую «непорядочную» власть терпели недолго, и, свергнув, поставили во главе Хутекоцимита, постановив, что он заведёт совет из восьми знатных, которых будет отличать особая длинная одежда. Наследником и одновременно (что необычно) военачальником должен был стать его старший сын, которому полагалось четыре советника (возможно, из тех же восьми бывших в наличии) [7, Т. II, р. 90-91]. Институализация наследника в какой-либо должности относительно редка в Месоамерике (конкретное лицо было не всегда было определено заранее), но всё же имеется – у тех же соседних с пипилями майя-киче, где высшими должностями были правитель (ах поп) и его наследник (ах поп камха) [3]. Причём браки вне политики у йаки были исключены для правителя, а детей от наложниц-рабынь сажали на землю [7, Т. II, р. 92].

Сам правитель был, прежде всего, именно военным лидером. Тлатоке с «капитанами» у пипилей Сальвадора лично возглавлял военные экспедиции. Это была его главная функция. Его роль в обрядах, не посвящённых войне и победам, заканчивалась у дверей храма, где он и знать снаружи ждали, пока жрецы совершат жертвоприношение [8, p. 84-85].

Война была одним из основных занятий мужского населения. Однако пригодными для неё считались не все. Те, кто не был признан таковым, платили воинам и обрабатывали поля жрецов и касика помимо своих собственных. Однако по некоторым описаниям праздника в честь победы, можно заключить, что и те, кто участвовал в войне, имели мильпы, т.е. занимались полевыми работами: «И те, кто был солдатом (*soldados de guerra*) не спали в домах со своими жёнами, но в определённых кальпуль [общинах – А. Пакин], предназначенных для этого. И то же молодёжь, которая показывала искусство в ополчении. И днём шли к своим жёнам и на свои мильпы. Но всегда оставалась рота (*compañía*) охранять селение» [8, p. 84, 88]. Отличие от массы общинников было видимо в том, что им не приходилось работать на кого-то из знати. Более того, для удачливого воина открывалась дорога в ряды этой самой знати, поэтому вся молодёжь горела желанием испытать свои воинские способности. Испытанные воины получали доступ к привилегиям, полагавшимся только знати. Среди них, например, право пить какао, не дозволенное до прихода испанцев простым людям. Пипили были одним из главных производителей какао, произраставшего в регионе Исалько. Местные жители считали, что отсюда происходит лучшее какао во всей Новой Испании. И у ацтеков, и у других народов оно было священным напитком, используемым знатью и в религиозных церемониях. Кроме того, оно было универсальной валютой во всём регионе, заменяя деньги. «...В старину было так уважаемо, что ни один человек не пил какао если не был касиком, великим сеньором, или храбрым солдатом» [8, p. 74].

Власть правителя, который помимо военных функций исполнял и некоторые гражданские – женить людей (указывая кому на ком) и отдавать распоряжение о начале полевых работ, была довольно жёсткой, что видно из того, что в навязанный испанцами вариант самоуправления, *кабильдо*, она вписывалась со скрипом [8, p. 87]. Не удавалось отучить касиков, на которых не только перенесли представления о власти *тлатоке*, но которые в ряде случаев от прежних *тлатоке* либо происходили, либо ими же и были, от ряда «авторитарных» привычек. Например, приговаривать к штрафу за прелюбодеяния жён без просьбы и поручения супруга, занимать все имеющиеся выборные должности *кабильдо* родственниками, принимать обязательные в «языческом прошлом» подношения и т.д. Также не удавалось приучить местных к привычке заключать браки по собственному желанию, а не касика или родственников, наследовать по прямой линии, а не внутри нисходящего поколения сиблингов и т.д. [8].

Религиозное лидерство было представлено наследственной иерархией жрецов. Главным из них был верховный жрец, *текутли*, носивший голубые одежды и убор из зелёных перьев кецаля. Он отвечал за всю религиозную деятельность в целом, а также вступал в прямой контакт с божеством, посредством его статуи. Общение со статуей было закрытой процедурой от посторонних, её результат сообщался знати другими жрецами. Эти, стоявшие ниже по статусу четыре жреца-*тепишки*, тем не менее, играли важную роль в празднествах. А в случае, если у главного жреца не оставалось наследников, ему наследовал сын одного из *тепишки*. Ниже по рангу находился ритуальный специалист, роль которого сводилась к вскрытию груди человеческих жертв и хранению священной

утвари. Все жреческие должности были наследственными. Сама статуя божества считалась наделённой его силой, которая могла причинить непосвящённым вред, точнее смерть от паралича. Иногда они располагались на почитаемых озёрах, вроде статуи женского божества на оз. Коатан, осмотренной по приказу Паласио. Очевидно, жрецы наследственно считались обладающими некими свойствами природы, позволявшей им избежать такого риска. Не менее важным был «мудрец» – теуаматлини, хранитель священных рукописей, который участвовал во всех случаях, требовавших определения даты по священному календарю [8, p. 82].

Всего же пантеон сальвадорских пипилей в сравнении с теми же ацтеками (унаследовавших несколько важных культов, существовавших в долине Мехико до их прихода), был чрезвычайно прост. Они почитали Кецалькоатля, покровителя знаний, планеты Венера и создателя человечества, и женское божество, которое известно было по имени Ицкейе. Весь их священный календарь (безусловно, месоамериканский) был организован так, что дни были поделены на те, что находились под влиянием Кецалькоатля, и те, в которые господствовала Ицкейе. Причём, праздники, начинавшиеся в дни календаря под её покровительством длились всего пять дней, в том числе, если на такой день приходилась победа. В честь Кецалькоатля – пятнадцать. У никарао, отметим, был несколько иной пантеон.

Основа представлений об особой природе наследственных лидеров, видимо строилась, как и во всей Месоамерике, на представлениях о свойствах их крови, и свойствах крови человека, заключавший в себе «жар» вообще. В особенности, той, которую добывали из мужского члена. В частности для успешного разговора со статуей, главный жрец мазал кровью из своего члена лицо руки и ноги статуи божества. Совершать приношение крови из собственного *membrum virile* считалось мужественным поступком, а для жрецов и касиков – ритуальной обязанностью. И после испанского завоевания у власти оставались многие касики, у которых ещё в языческие времена был «открыт член», они подзревались в идолопоклонстве и могли подвергнуться преследованию. Причём в одном из дел, в которых принимал участие Паласио, речь идёт о районе, где изначально науа не обитали, что видно по топонимике [8, p. 87]. А практика тем, не менее, явно месоамериканская. Уточнить, не был ли это результат редукции, т.е. насильственного переселения, в результате которого многие общины науа оказались вдали от побережья, нам не удалось. Но вряд ли речь идёт о «влиянии» со стороны науа. Как раз к влиянию такого рода местные народы накануне конкисты были на удивление устойчивы. Овьедо особенно отмечает разнообразие обычаев и отсутствие взаимопонимания между местными народами разных языков, живших на этом «перекрёстке культур» [12, p. VI, p. 37]. Этот «жар» с возрастом у человека, как считалось, возрастал. Старики, которые прожили слишком долго (два 52 летних цикла), могли соединиться с солнцем, как следует из пересказа Торкемадой преданий никарао о жизни на прежней родине [15, Т. I, 331]. Это имело значение для их особо высокого социального статуса. Отметим, что все имевшие отношение к выборному управлению, как в упоминаемых Овьедо «самоуправляющихся» общинах, и прочие «важные» индейцы у никарао носят титул “guegeu”, на языке науа, «старый» [12, p. VI, p. 37-40].

Особа лидера была неприкосновенна, но и требовали от него очень многого. Интересен один анекдотичный случай из 1570-х гг. В одном из районов (видимо, населённом не пипилями и даже не науа), один из касиков, из числа доиспанских лидеров, заболел. К нему пришли жители и заявили, что он не годен исполнять свои обязанности, поэтому...будет разумно, если, не дожидаясь, пока он умрёт, они его похоронят так, жи-

вого. Подумав, касик заявил что они, пожалуй, правы. И завернув его в саван они понесли его в церковь, где одна из находившихся там женщин, прикоснувшись к нему, и поняв, что он тёплый (ещё живой), распеленала его и прогнала «инициативную группу». Касик прожил ещё четыре месяца, и его всё это время просили поскорей помереть. Но что интересно, так и не решились умертвить его [8, p. 89]. Отметим, что и свергнутого в Искинтепеке Гуакчимичина науа забили палками, т.е. бескровно, видимо из страха перед пролитием крови касика [7, Т. II, p. 90-91]. Возможно, это как-то объясняет стремление взять таких людей живыми, хотя и их физическое уничтожение в бою, как выяснили на собственном примере испанцы, было весьма желательным результатом. У майя, например, гибель военного лидера приводила к бегству всей армии и большим потерям [13, Т. II, 85, 324].

Однако, отношения военного и религиозного лидерства не были однозначными. Г. Паласио излагает любопытный пример видения их роли, видимо, относящиеся к тому образу власти, который был предназначен для управляемых, нежели носителей власти: «Собирались «папа», мудрец и колдун, и их четыре жреца, и узнавали по их гаданию и колдовству, не будет ли войны, и не пошёл ли кто-нибудь против них. И если их гадание говорило, что «да», звали касика и военных капитанов, и говорили, как пришли враги и куда им следует идти затевать войну. Касик предупреждал всех своих воинских людей и выходил в поисках врагов, и если одерживал победу в битве, то потом отряжал гонца к папе и уведомлял его о дне, в который это произошло, и мудрец смотрел, кому следует устроить жертвоприношение ...» [8, p. 84]. Наивность описания указывает, скорее, на информаторов из широких слоёв общества, а не элиты. Вряд ли жрец имел возможность настолько контролировать власть, и здесь мы имеем дело с её образом, который ею поддерживался.

Но есть и другой аспект их взаимоотношений – жреческая власть, похоже, в месоамериканских обществах имела некоторое преимущество, если власть в общине не была наследственной. Поскольку всегда наследственным было положение самого жреца. Для сравнения, полномочия отправлять людей на войну принадлежали жрецу в общине Йашкаба (Кикиль) на Юкатане, хотя там были свои выборные лидеры общины, ах куч кабы, и выборный военачальник [13, Т. II, p. 267]. Тем не менее, полития, возглавлявшаяся жрецами, как и поселение, встречается на Юкатане и у майя куда реже, чем возглавляемая наследственным правителем без специфически жреческого статуса. У науа такое явление известно реже. Помимо жреческого статуса, который имел Монтесума Шокойоцин (1502 – 1520), можно указать ещё на один пример необычной функции религиозного лидера из прошлого ацтеков. У ацтеков существовала должность сиаукоатля – «женщины-змеи», возглавлявшего всё ацтекское жречество, совет тлатоани и бывшего второй фигурой в государстве к моменту прихода испанцев. А до укрепления власти тлатоани в XV в., возможно и первой. Название для мужской обязанности вроде бы странное, учитывая гендерные аспекты власти в Месоамерике, где женщины отстранялись от управления. Но всё объясняется просто – сиаукоатль –хтоническое женское божество бывших хозяев ацтеков, кулуаканцев, которых он впоследствии предал. Их подданными они стали, придя в XIII в. в долину Мехико. Ацтеки разодрались со своими хозяевами, нашли новых, разошлись и с ними, основали Тройственный Союз и стали в XV в. ведущей силой в регионе. Но должность сиаукоатля осталась, и значение её было очень высоким. На этот момент исследователи, как правило, не обращают должного внимания. Между тем, речь идёт о специфической форме контроля над подчинёнными общинами, когда устоявшиеся в ней традиции не дают навязать традиционного ли-

дера из своей династии, либо по соображениям низкого статуса невозможно заключить династический брак. Ацтекам такой брак был позже предложен кулуаканцами, но они предали хозяев, по легенде принесли невесту в жертву и, разбитые, бежали на болотистый остров, где основали Теночтитлана [1, с. 28, 284, 333]. Навязывание культа своего бога-жреца – наиболее простой и эффективный способ контроля, минуя имеющуюся местную власть и все её «неудобные» особенности. Например, упомянутая Иашкаба, где по словам её энкомендеро-испанца, тиранствовали выборные главы, была подчинённым селением Хухбильчена, где правил могущественный линиджа Куцуль [13, Т. II, р. 267]. Тот же смысл, теоретически, могло иметь и навязывание майя культа Кецалькоатля юкатанскими государствами, Чичен-Ицой и Майяпаном.

Заключение

Науа на южных границах Месоамерики, как видим, демонстрировали традиционную для этого региона модель лидерства, основанного на специфическом религиозном мировоззрении в тех вариантах, которые были известны и в других частях региона. Лидерство в вождествах и полициях было наследственным, связанным с исполнением военных функций. Конкретные детали организации могли отличаться. Варианты, где лидерство было построено иначе, на основе выборности или ротации, как правило, относятся к отдельным, либо подчинённым в составе полиции, общинам. Ни принадлежность к одной языковой семье, ни местные природные условия региона (равнины, нагорья), ни политические (здесь воевали все, всегда, везде, и со всеми) не являлись существенными для наличия этих вариаций. Скорее здесь главным здесь является уровень сложности политического образования. На уровне полиции такая ситуация не встречается – власть там всегда наследственная, покровительствуемая наследственной иерархией жрецов. Более того, наследуемая, в обход традиционных норм, по прямой линии. Так же мы видим три обычных категории месоамериканских лидеров – наследственного военного лидера, наследственных жрецов и представителей общин, «старцев». Их положение обосновывалось обычными для Месоамерики религиозными представлениями о свойствах человеческой природы, в частности крови человека. Причём наличие наследственного военного лидера, или жреца, как таковую иерархию «старцев» не отменяло, и не сильно умаляло её полномочия. Именно с этими людьми, а не с равными себе правителями других общин и полиций вынуждены были заключать законные браки «касики».

Литература

1. Баглай В.Е. Ацтеки: история, экономика, социально-политический строй. М.: «Восточная литература» РАН, 1998. 432 с.
2. Гуляев В.И. Археология Центральной Америки. М.: Наука, 1995. 165 с.
3. Пополь-Вух. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1959.
4. Amarolli P., *The Earliest Pipil: New Perspectives on Toltec Presence in Southern Mesoamerica*. 1989.
5. Coe M., *The Maya*. London, 2005.

6. Fowler, W. Ethnohistoric Sources on the Pipil-Nicarao of Central America: A Critical Analysis // Ethnohistory. Vol. 32. № 1. (Winter, 1985). pp. 37-62.
7. Fuentes-y-Guzman, F. A. Recordacion Florida. Discurso historial y demostracion natural material militar y politica del Reyno de Guatemala. tt. I-III. Guatemala, 1932.
8. Garcia y Palacio, D. Carta-relacion. Relacion y forma. Mexico, 1983.
9. Lenkersdorf G. // Revista Chaipas. Vol. 11. Meico, 2001. URL: <http://www.revistachiapas.org/No11/ch11lenkersdorf.html>. [Дата обращения: 02. 06. 2012].
10. Mejía de Gutiérrez G.A. Los pueblos pipil en los fuentes históricos dl timepo temprano de colonia // IV Congreso Linguístico, primer simposio "Pueblos indígenas de el Salvador y sus fronteras". Memorias. San Salvador, 1998. pp. 255-273.
11. Motolinia T.B., Historia de los indios de Nueva España // Coleccion de documntos para la historia de Mexico. 1971 (1855). T. I. pp. 1-251.
12. Oviedo y Valdez, G.F. de, Historia General y Natural de las Indias, las Islas y Tierra Firme del mar Océano. tt. I-IV. Madrid, 1851-55.
13. Relaciones historico-geograficos de la gobernacion de Yucatan. TT. I-II. Mexico, 1985.
14. Spinden, H.J. Notes on the Archaeology of Salvador // American Anthropologist. № 17(3). 1915. pp. 431-487.
15. Torquemada J. de. Veinte un libro y monarquia indiana. t. I-III. Mexico, 1969.

Транслитерация по ГОСТ 7.79-2000 Система Б

1. Baglaj V.E. Atsteki: istoriya, ehkonomika, sotsial'no-politicheskij stroj. M.: «Vostochnaya literatura» RAN, 1998. 432 s.
2. Gulyaev V.I. Arkheologiya TSentral'noj Ameriki. M.: Nauka, 1995. 165 s.
3. Popol'-Vukh. M.-L.: Izd-vo AN SSSR, 1959.
4. Amarolli P., The Earliest Pipil: New Perspectives on Toltec Presence in Southern Mesoamerica. 1989.
5. Coe M., The Maya. London, 2005.
6. Fowler, W. Ethnohistoric Sources on the Pipil-Nicarao of Central America: A Critical Analysis // Ethnohistory. Vol. 32. № 1. (Winter, 1985). pp. 37-62.
7. Fuentes-y-Guzman, F. A. Recordacion Florida. Discurso historial y demostracion natural material militar y politica del Reyno de Guatemala. tt. I-III. Guatemala, 1932.
8. Garcia y Palacio, D. Carta-relacion. Relacion y forma. Mexico, 1983.
9. Lenkersdorf G. // Revista Chaipas. Vol. 11. Meico, 2001. URL: <http://www.revistachiapas.org/No11/ch11lenkersdorf.html>. [Data obrashheniya: 02. 06. 2012].
10. Mejía de Gutiérrez G.A. Los pueblos pipil en los fuentes históricos dl timepo temprano de colonia // IV Congreso Linguístico, primer simposio "Pueblos indígenas de el Salvador y sus fronteras". Memorias. San Salvador, 1998. pp. 255-273.
11. Motolinia T.B., Historia de los indios de Nueva España // Soleccion de documntos para la historia de Mexico. 1971 (1855). T. I. pp. 1-251.
12. Oviedo y Valdez, G.F. de, Historia General y Natural de las Indias, las Islas y Tierra Firme del mar Océano. tt. I-IV. Madrid, 1851-55.
13. Relaciones historico-geograficos de la gobernacion de Yucatan. TT. I-II. Mexico, 1985.
14. Spinden, H.J. Notes on the Archaeology of Salvador // American Anthropologist. № 17(3). 1915. pp. 431-487.
15. Torquemada J. de. Veinte un libro y monarquia indiana. t. I-III. Mexico, 1969.